

С.В. Шарапов*

S.V. Sharapov*

Уборочная и хлебозаготовительная кампании в Новосибирской области в 1941 году**Harvesting and Grain Collection in the Novosibirsk Region in 1941**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-17

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-17

УДК 94(47)«1941»

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Шарапов С.В. Уборочная и хлебозаготовительная кампании в Новосибирской области в 1941 году // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 176–187. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-17.pdf>

Sharapov S.V. Harvesting and Grain Collection in the Novosibirsk Region in 1941 // Historical Courier, 2020, No. 3 (11), pp. 176–187. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-17.pdf>

Abstract. Study of the state's grain collection policy during the years of the Great Patriotic war remains an urgent task for historians studying the functioning of Soviet economy during the war period. This article shows how harvesting and grain collection campaigns took place in 1941 in one of the main grain-producing regions of Western Siberia – Novosibirsk region. As a result of military mobilization, region's agriculture lacked manpower (a special problem was mobilization of skilled workers in the army) and machinery. Lack of machinery led to increase of the share of manual labor in the total volume of agricultural work. Despite the fact that the state urgently needed Siberian bread, the grain collection plan for the Novosibirsk region in 1941 turned out to be lower than that of 1940. This was due, firstly, to the limited capabilities of MTS, which affected the decrease in volumes payment in kind. Secondly, in 1941 the state lowered the regional annual norms for compulsory grain supplies for the region, which, coupled with a reduction in the taxable supply of land of collective farms, affected the size of the grain collection plan. Grain collection campaign of 1940, carried out in accordance with the new hectare principle of calculating compulsory deliveries, was devastating for the Novosibirsk region. Weakening of the grain procurement "press" in 1941 was probably due to the need to preserve agricultural production potential of the Novosibirsk Region, which was undermined by the excessive seizure of grain in the previous year.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state; agriculture, grain collection; Great Patriotic war; Siberia.

The article has been received by the editor on 11.03.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Исследование хлебозаготовительной политики государства в годы Великой Отечественной войны остается актуальной задачей для историков, изучающих функционирование советской экономики в военный период. В данной статье показано, как уборочная и хлебозаготовительная кампании проходили в 1941 г. в одном из основных хлебопроизводящих районов Западной Сибири – Новосибирской области. Сельское хозяйство области в результате воинских мобилизаций испытывало недостаток в рабочей силе (особую проблему представлял уход в армию квалифицированных работников и управленцев) и технике. Нехватка последней имела следствием возрастание доли ручного труда в общем объеме сельскохозяйственных работ. Несмотря на то, что в результате оккупации западных регионов страны государство остро нуждалось в сибирском хлебе, показатели хлебозаготови-

* **Шарапов Сергей Валерьевич**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru
Sharapov Sergey V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

тельного плана для Новосибирской области в 1941 г. оказались ниже показателей 1940 г. Это объясняется, во-первых, ограниченными возможностями МТС, что сказывалось на снижении объемов натуроплаты. Во-вторых, государство в 1941 г. снизило для области порайонные годовые нормы обязательных поставок зерна, что вкупе с сокращением облагаемого земельного фонда колхозов повлияло на размеры хлебозаготовительного плана. Хлебозаготовки 1940 г., проведенные в соответствии с новым погектарным принципом расчета обязательных поставок, оказались опустошительными для Новосибирской области. Некоторое ослабление хлебозаготовительного «пресса» в 1941 г., вероятно, было связано с необходимостью сохранить производственный потенциал сельского хозяйства Новосибирской области, подорванный чрезмерным изъятием зерна в предыдущем году.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства; сельское хозяйство; хлебозаготовки; Великая Отечественная война; Сибирь.

Начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. пришлось на разгар летних сельскохозяйственных работ, – Новосибирская область завершала затянувшийся из-за погодных условий сев яровых. Первые же недели войны – оккупация Молдавии, значительной части Украины и Белоруссии – существенно подорвали производственный потенциал советского сельского хозяйства. Потеря контроля над плодородными районами Украины, а также опасность дальнейшего продвижения врага повышали значение зерновых регионов глубокого тыла в формировании государственного продовольственного фонда.

Сельское хозяйство Новосибирской области к началу 1941 г. переживало последствия неурожая предыдущего года. В 1940 г. засуха поразила юго-западные районы области, вызвав острую нехватку хлеба, фуража и семенного материала. Проблемы с обеспеченностью продовольствием наблюдались в пятнадцати районах области. Прокурорское обследование, проведенное в начале 1941 г., зафиксировало распространенные случаи гибели людей от голода, рост хищений колхозного хлеба и употребления в пищу мяса павших животных. На этом фоне усилилась социальная напряженность: участились массовые отказы крестьян от выхода на артельные работы и случаи самовольного бегства семей из колхозов. Внушала опасения слабая обеспеченность семенным материалом. Так, в колхозах Кочковского района к марту 1941 г. семенной фонд составлял всего 30–35 % от необходимого¹.

Сложное социально-экономическое положение Новосибирской области было вызвано рядом факторов. Недород 1940 г. совпал с увеличением тяжести податного обложения зернового хозяйства. С 1939 г. объем натуроплаты за работы МТС стал рассчитываться исходя из биологической урожайности, измеряемой на корню, перед уборкой без учета потерь, зависящих от погодных условий и несовершенства техники. Это позволило повысить величину натуроплаты. В 1940 г. произошел переход от расчета объемов обязательных поставок зерна из планируемых посевных площадей к их исчислению с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозом². Введение погектарного обложения неизбежно усиливало командный принцип в заготовительной политике государства, поскольку объемы взимания зерна все меньше зависели от реальных экономических возможностей сельхозпроизводителей. Увеличение натурального налогообложения деревни было напрямую связано с ухудшением международной обстановки и началом в сентябре 1939 г. Второй мировой войны. В советской пропаганде конца 1930-х гг. хлебозаготовки объявлялись внутренним фронтом борьбы со «*слугами мирового империализма*»³.

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 254–259.

² Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 130.

³ Рынков В.М. Методы и результаты проведения хлебозаготовительной кампании 1940–1941 годов в Новосибирской области // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 158.

22 июня 1941 г. стало рубежной датой, ознаменовавшей начало затянувшегося на 4 года военного периода. В течение этого времени экономика функционировала в режиме перманентного перенапряжения всех производительных сил. Дисбалансы экономики военного времени негативно сказывались на сельскохозяйственной отрасли, которая стала источником мобилизации кадров не только для действующей Красной армии, но и для оборонных отраслей промышленности. Изъятие из села значительной части трудоспособной мужской рабочей силы резко сужало ресурсы, которые деревня могла привлечь для выполнения государственных хлебозаготовительных планов. Как показывают современные исследования, кампании массовых воинских мобилизаций начались еще в 1939 г.⁴ Начало Великой Отечественной войны потребовало новой волны массового призыва. Летом 1941 г. по Советскому Союзу прокатились две волны мобилизации. В результате за первые 6 месяцев войны в Красную армию было призвано почти 12 млн чел. В.А. Исупов оценивает призыв 1941 г. как очевидно «избыточный»: с одной стороны, такое количество новобранцев армия оказалась не способна подготовить, обмундировать и прокормить, с другой – экономика лишалась миллионов рабочих рук⁵. В Западной Сибири мобилизации 1941 г. забрали для армии более 1 млн чел., что составляло 67 % общего количества мужчин призывного возраста⁶.

Деревня в результате мобилизаций лишалась значительного числа опытных управленцев и квалифицированных кадров (механизаторов, агрономов, ветврачей, зоотехников и др.). Многие колхозы Новосибирской области в самый разгар летних работ остались без председателей. Для примера приведем данные по Зырянновскому району Новосибирской области, где за три первых месяца войны из 75 председателей колхозов 52 были призваны в РККА⁷. Возникающие кадровые лакуны заполнялись либо выдвижением рядовых колхозников, либо направлением в артели коммунистов, работавших в городских и районных учреждениях. Постановление Новосибирского обкома ВКП(б) от 29 июля 1941 г. обязывало секретарей всех райкомов и горкомов отобрать по 10–15 чел. и отправить на замену ушедших в армию председателей колхозов⁸. Областной комитет рекомендовал подбирать в первую очередь невоеннообязанных, имевших опыт работы в сельском хозяйстве. Не всегда удавалось найти работников, отвечавших заявленным критериям. Имели место случаи, когда горкомы и райкомы отправляли людей неподходящих, не имевших опыта или не способных занимать должность по состоянию здоровья. Некоторые наотрез отказывались работать в колхозах. Так, в Кемеровском районе один из направленных в деревню сбежал в город, заявив: «Лучше расстреляйте, а работать председателем колхоза не буду»⁹. За отказ от работы в деревне и самовольное бегство следовало немедленное исключение из партии¹⁰.

Нехватка квалифицированных работников в районных земельных отделах (райЗО) негативно сказывалась на осведомленности местного руководства о реальном положении дел в хозяйствах. На совещании представителей обкома и руководящих работников районов Сталинского куста (группы районов) Новосибирской области 30 июня 1941 г. секретарь Прокопьевского райкома Мальцев жаловался на отсутствие необходимых учетных данных в райЗО: «Дело не только плохо по работе, но и с учетом. У нас райЗО не участвовало в посевной кампании и сейчас не включилось в работу. Добились назначения старшего агронома, но его сейчас мобилизовали, на заведующего райЗО выдвинули тов. Спирина, но

⁴ Исупов В.А. Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири в Красную армию в начальный период Второй мировой войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 1 (2). С. 40.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Там же.

⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп.5. Д. 283. Л. 81.

⁸ Там же. Д. 341. Л. 83.

⁹ Там же. Д. 283. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 24.

он новый человек»¹¹. Далее между Мальцевым и секретарем Новосибирского обкома В.И. Бабичем состоялся показательный диалог:

«Бабич: Как с уборкой сена?»

Мальцев: В райЗО нет сведений.

Бабич: ...сколько сеноуборочных аппаратов? Вы не знаете?

Мальцев: Таких данных не имеем.

Бабич: Тогда разрешите заявить, что вы ничего не знаете»¹².

Серьезную угрозу для выполнения планов сельскохозяйственных работ представлял уход в армию квалифицированных механизаторов. Директор Бурлаковской МТС Киселевского района Антонов на уже упоминавшемся совещании 30 июня 1941 г. с тревогой описывал положение дел на станции: *«У нас заберут возрастного состава с 1905 г. по 1918 г. – не менее 90 % всего состава. Комбайнеров имеем всего 37 человек, и если посчитать этот возраст, то у нас останутся 6 женщин, которые работают комбайнерами, остальные все уйдут в армию. С трактористами такое положение: был 51 трактор, один отправили в РККА. По нашему учету должно уйти 68 человек, но у нас есть девушек 8 человек, которые по разным причинам за последнее время не работают. Нужно сказать, что из механизаторских кадров не менее 90 % должны уйти и останутся женщины и люди, которые не способны идти в армию»¹³.*

Для того чтобы частично восполнить недостаток кадров, Новосибирский обком распорядился организовать в районах краткосрочные курсы подготовки трактористов, комбайнеров и помощников комбайнеров. Постановление обкома, принятое 26 июня 1941 г., обязывало заведующих облЗО и райЗО составить план подготовки по каждому совхозу и МТС. Комплектование курсов предполагалось проводить в первую очередь за счет женщин. Для трактористов срок обучения должен был составить 30 дней, для комбайнеров – 36 дней¹⁴.

Воинские мобилизации в числе прочего лишали сельское хозяйство значительной части необходимой автомехтехники и лошадей. По статистическим данным, приведенным в монографии Н.Д. Ростова, с 22 июня 1941 г. по 15 октября 1942 г. Новосибирская область дала РККА 62 023 лошади и 7519 единиц автомехтехники, из них – 1008 тракторов¹⁵. В целом тракторный парк сельхозпредприятий Западной Сибири к началу 1942 г. сократился на 9 %, при этом армии передавались лучшие гусеничные тракторы¹⁶.

Областное руководство не терпело никаких жалоб со стороны районных властей на трудности военного времени, в том числе связанные с нехваткой рабочих рук и квалифицированных кадров. Так, например, 13 ноября 1941 г. на заседании обкома партии обсуждалось положение дел в Титовском районе. Из-за низких темпов хлебосдачи данный район считался проблемным. Председатель райисполкома И.И. Екимов пожаловался на нехватку рабочей силы, на что первый секретарь Новосибирского обкома М.В. Кулагин резко ответил: *«Ссылаться на недостаток кадров сейчас не приходится. Политический подъем колхозников огромен, его надо только правильно направить, организовать людей. Возможности есть, все зависит от руководства»¹⁷.*

Государственные власти, а вслед за ними и областные, исходили из убеждения, что, несмотря на потери в кадрах и технике, деревня обладала достаточными внутренними ресурсами для выполнения запланированных сельскохозяйственных работ в полном объеме. Задача состояла в том, чтобы, используя патриотический подъем, охвативший деревню,

¹¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 342. Л. 101.

¹² Там же. Л. 104.

¹³ Там же. Л. 99.

¹⁴ Там же. Оп. 33. Д. 360. Л. 30–33.

¹⁵ Ростов Н.Д. Мобилизация транспортных ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Барнаул, 2011. С. 153.

¹⁶ Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы // В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.] Новосибирск, 2012. С. 109.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 459. Л. 24.

полностью задействовать ее трудовой потенциал, привлекая к работе всех без исключения, включая стариков и детей. Другая задача заключалась в оптимизации всех трудовых процессов, ведении строгого учета в использовании тракторов, комбайнов, живого тягла, горючего и инвентаря. Областное руководство требовало от районных и колхозных властей организовать тщательное, продуманное и всестороннее администрирование всех видов работ. Вертикаль управления, включая низший уровень (председателей колхозов и бригадиров), должна была перестроить работу на «военный» лад, т.е. снизить до минимума издержки, допустимые в мирное время, требовать от себя и от других максимальной трудовой самоотдачи. «*Давай государству больше, требуй у государства меньше!*»¹⁸ – такова была тиражируемая в СМИ максима, в соответствие с которой ответственные работники должны были привести свою работу.

Советская пропаганда в немалой степени задавала образцы правильного отношения к труду и хозяйствованию. С началом войны получили распространение такие негативные характеристики безответственного отношения к работе, как «*благодущие*» и «*беспечность*». Источником этих превратившихся в клише определений являлось знаменитое выступление И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г., в котором тот призывал советских людей понять «*всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране*» и отрешиться «*от благодущия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение*»¹⁹. Не удивительно, что хозяйственные кампании, такие как посевная, уборочная или хлебозаготовительная, приравнивались по своему значению к фронтовым операциям, а запоздание с уборкой или потеря урожая считались равносильными «*предательству, измене Родине*»²⁰.

Уже накануне уборочной кампании в Новосибирской области стало понятно, что ее ход будет сопряжен со значительными трудностями. Дело было не только в нехватке людей и техники. В связи с холодной весной посевная кампания в области растянулась до 20-х чисел июня, соответственно запоздало и вызревание хлебов. Урожай необходимо было убрать в предельно сжатые сроки до наступления осенних заморозков. Биологическая урожайность зерновых в 1941 г. в Новосибирской области превысила показатель предыдущего года (10,5 ц/га в 1941 г. по сравнению с 8,9 ц/га в 1940 г.). Несмотря на то, что посевные площади под зерновые в 1941 г. сократились на 184 тыс. га (6,3 %), валовой сбор зерновых культур, по официальным данным, увеличился по сравнению с 1940 г. на 10,2 % и составил 2916,7 тыс. т²¹.

23 июня 1941 г. Новосибирский обком ВКП(б) утвердил порайонные годовые нормы обязательных поставок зерна государству колхозами. Средняя годовая норма по области составила 78 кг/га (для колхозов, обслуживаемых МТС, – 76,9 кг/га, не обслуживаемых, – 85,1 кг/га)²². По сравнению с предыдущим годом нормы были существенно снижены (в 1940 г. средняя норма для колхозов, обслуживаемых МТС, составила 94,9 кг/га, не обслуживаемых – 104 кг/га)²³.

20 августа 1941 г. Новосибирский обком утвердил годовой хлебозаготовительный план. Для колхозно-крестьянского сектора совокупный объем зернопоставок, натуроплаты и возврата ссуд составил 975,699 тыс. т (включая недоимки предыдущих лет). Количество зерна, которое колхозы и единоличники должны были сдать в 1941 г., снизилось на 17,1 % по сравнению с планом предыдущего года. Наибольшее снижение, на 35,7 %, наблюдалось по обязательным зернопоставкам. Запланированные поставки по натуроплате МТС снизились на 9,8 %. Вместе с тем объем взимаемого зерна в счет погашения ссуд составил в

¹⁸ Правда. 1941. 13 авг.

¹⁹ Правда. 1941. 3 июля (Выступление по радио председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина).

²⁰ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 341. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 348. Л. 30.

²² Там же. Оп. 33. Д. 357. Л. 92.

²³ Рышков В.М. Методы и результаты проведения ... С. 160.

1941 г. 69,143 тыс. т и вырос на 87,7 % относительно 1940 г., однако его доля в общем объеме хлебозаготовок была незначительна²⁴. Резкое увеличение возврата хлеба по государственным ссудам было связано с особенностями 1940 г. Тогда в условиях неурожая в области, вызванного засухой, государство увеличило объемы выдаваемых продовольственных, фуражных и семенных ссуд. По совхозному сектору план хлебосдачи составил в 1941 г. 89,861 тыс. т – это было меньше запланированного в 1940 г. на 15,1 %. Однако количество хлеба, которое совхозы должны были дать государству по возврату ссуд, в сравнении с предыдущим годом выросло на 87,7 % и равнялось 2,932 тыс. т²⁵.

Столь значительное сокращение объема обязательных зернопоставок в 1941 г. по сравнению с предыдущим годом объясняется двумя причинами. Во-первых, как уже отмечалось, в 1941 г. средняя годовая норма обязательных поставок была установлена ниже нормы 1940 г. По всей видимости, это было связано с необходимостью снизить «пресс» натурального налогообложения сельского хозяйства Новосибирской области, которое находилось в ослабленном состоянии по итогам 1940 г. Во-вторых, существенное влияние оказал вывод из-под обложения 518,5 тыс. га целинных и залежных земель, которые в соответствии с законодательством облагаться не должны были. Однако в 1940 г. Новосибирский облЗО незаконно включил данные территории в земельный фонд колхозов, из которого рассчитывались объемы зернопоставок. Данный факт не только вызвал острое недовольство самих колхозников, но и привлек внимание НКВД, который квалифицировал его как результат «вредительских» действий. Летом 1941 г. в связи с этим были арестованы несколько работников облЗО. Тогда же был снят с должности заведующий облЗО Г.Ф. Сизов²⁶. Вслед за этим Новосибирский обком ВКП(б) 18 июля 1941 г. постановил исключить указанные площади из числа облагаемых. Таким образом, общий фонд земли, закрепленной за колхозами, в 1941 г. сократился на 10 %²⁷.

Снижение по сравнению с 1940 г. планируемых объемов натуроплаты объясняется общим сокращением объема работ, выполненных МТС. Это происходило главным образом из-за мобилизации техники и призыва в армию квалифицированных работников. Другая причина – низкая производительность труда, которую давали неопытные кадры трактористов и комбайнеров, пришедшие на смену мобилизованным. Ситуация осложнялась общей слабостью ремонтно-технической базы, нехваткой горючего, что приводило к многочисленным и затяжным простоям машин. По данным, приведенным председателем облисполкома И.Т. Гришиным на VI пленуме Новосибирского обкома (январь 1942 г.), в 1941 г. комбайнами было убрано 1047 тыс. га. Площадь комбайновой уборки по сравнению с 1940 г. уменьшилась на 278 тыс. га, или на 21 %²⁸.

Необходимость в сжатые сроки убрать хлеб вкупе с сократившимися возможностями МТС требовали увеличения масштабов использования простейших сельскохозяйственных машин (жатоков и лобогреек) и ручного труда. На работу в колхозы и совхозы области привлекалось не занятое в промышленности и на транспорте городское население, большинство из которого составляли молодежь и женщины-домохозяйки. С началом войны центральное правительство расширило категории населения, которые разрешалось привлекать к сельскохозяйственным работам. Принятое 2 июля 1941 г. постановление СНК СССР позволяло в военное время использовать в организованном порядке труд учащихся 7–10-х классов, установив для них продолжительность рабочего дня от 6 до 8 часов²⁹.

Угроза близких заморозков заставила областное руководство в конце августа 1941 г. форсировать трудовую мобилизацию незанятого городского населения и сделать призыв действительно массовым. 24 августа Новосибирский обком ВКП(б) постановил

²⁴ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 405. Л. 82.

²⁵ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 871. Л. 104.

²⁶ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 373. Л. 6–11.

²⁷ Там же. Д. 379. Л. 4–5.

²⁸ Там же. Д. 506. Л. 164.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 264.

мобилизовать все незанятое дееспособное население городов, рабочих поселков и районных центров на уборку в колхозах и совхозах. По словам председателя облисполкома И.Т. Гришина на VI пленуме обкома, прошедшем в январе 1942 г., во время уборочной кампании было задействовано более 200 тыс. мобилизованных³⁰.

Призыв на уборку хотя и был массовым, однако труд прибывших в деревню оказывался малопродуктивным и, более того, наталкивался на нехватку в хозяйствах простейшего инвентаря для организации работ столь большого количества людей. Были случаи, когда городские жители, присланные в помощь колхозам, встречались на местах с полным отсутствием каких-либо условий для труда, враждебным отношением со стороны колхозников и безразличием руководителей колхозов. Показательным документом является докладная записка бригадира группы домохозяек, работавшей на уборке в колхозе им. 1 мая Искитимского района. По ее словам, председатель колхоза крайне удивился прибывшей бригаде, рассчитывая на 10–15 чел., а не на группу в 60 чел. Бригадир Попрыкина следующим образом описывала дальнейшее участие женщин в работах: *«Прибыли на пашню, а здесь квартир нет, правда, стоял домик, зашли мы туда, а там окна все выбиты, грязны. Я оставила трех женщин, чтобы они побелили, а остальных направила на работу, но вот тут-то и завязалось – граблей нет, вил нет, женщины обижаются, мы, говорит, приехали, а у них и своим-то колхозникам делать нечего. Колхозники, конечно, стали на нас говорить: "Вот приехали обжираться, а нам самим не хватает хлеба"»*³¹.

Новосибирская область была не готова к тому, что уборку и обмолот приходилось осуществлять в значительной степени в условиях ограниченных возможностей МТС. Оказались не подготовлены к работе простейшие машины, слабо использовалось живое тягло, поэтому основная масса работ производилась вручную. Начало уборки (с 10 по 25 августа) было сопряжено с непрекращающимися дождями. На 15 сентября 22 района области не завершили уборку даже на 50 %³². В целом по области ситуация была ненамного лучше, на ту же дату колхозами было убрано 53,2 % от плана (для сравнения, в 1940 г. к 15 сентября план уборки был завершен на 87,7 %).

Центральные власти указывали на необходимость усилить темпы уборочной кампании. 3 сентября 1941 г. Новосибирский обком ВКП(б) получил телеграмму от имени И.В. Сталина с критикой «недопустимо медленных» темпов косовицы, скирдования и обмолота хлебов. Телеграмма содержала требования «покончить в уборке урожая с благодушием и беспечностью», завершить косовицу не позднее 20 сентября, заскирдовать скошенный хлеб в пятидневный срок и закончить обмолот зерна к 30 октября. Добиться перелома в уборочной кампании областные власти должны были путем мобилизации на уборку всего незанятого трудоспособного населения, организации взаимопомощи между колхозами, отправки для помощи районам и колхозам руководящих работников³³.

24 сентября 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором констатировалось *«крайнее отставание»* уборки в ряде регионов СССР, в том числе в Новосибирской области. Были установлены новые сроки – закончить косовицу и скирдование хлебов к 10 октября 1941 г. В постановлении делался акцент на экономическом стимулировании труда колхозников. Колхозам на время уборочной кампании разрешалось производить повышенную оплату труда членам артели, перевыполнившим установленные нормы: за каждый гектар урожая, скошенный сверх нормы с использованием конного тягла, выдавать до 5 кг зерна; за каждый гектар урожая, скошенный вручную, – до 15 кг зерна; за просушку сырого хлеба в поле, вязку снопов, переноску и укладку их в копны – до 15 кг зерна за каждый гектар; за скирдование хлеба с 1 – до 7 кг зерна; при уборке комбайнами за каждую тонну намолоченного хлеба выдавать комбайнеру 2 кг зерна, а штурвальному и трактористу – по 1 кг; колхозникам-возчикам за вывозку хлеба государству и в колхозные

³⁰ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 506. Л. 163.

³¹ Там же. Оп. 5. Д. 360. Л. 94–95.

³² Там же. Д. 346. Л. 20–21.

³³ Там же. Д. 340. Л. 32–33.

амбары – по 0,5 кг за каждый тонно-километр³⁴. Следует учитывать, что постановление имело рекомендательный характер и дополнительную натуральную оплату труда предполагалось производить за счет колхозов.

В Новосибирской области форсирование уборочной кампании началось с середины сентября. Это позволило с 10 по 30 сентября за четыре пятидневки убрать 50,4 % всей уборочной площади. В немалой степени завершению уборки способствовали многочисленные случаи проявления трудового героизма колхозных и совхозных работников. На VI пленуме Новосибирского обкома 14 января 1942 г. выступавший с докладом об итогах сельскохозяйственных работ 1941 г. председатель облисполкома И.Т. Гришин отметил как вполне удовлетворительные результаты уборочной кампании: *«Уборка показала, что несмотря на военное время, значительное сокращение тягла, тракторного парка, несмотря на значительный уход большей части квалифицированных механизаторских кадров, мы еще располагаем огромными резервами и возможностями, которые позволят нам работать в условиях военной обстановки не только не хуже, а гораздо лучше»*³⁵.

Растянувшиеся сроки уборки совпали с начальным этапом хлебозаготовительной кампании, что негативно сказалось на выполнении плана хлебосдачи. Первые месяцы хлебозаготовительной кампании выдались крайне неудачными. В то время как основная часть машин и конного тягла была сосредоточена на уборке урожая, не хватало ресурсов для обмолота и вывоза зерна на заготовительные пункты. На 15 сентября 1941 г. план хлебозаготовок был выполнен только на 14,8 % (для сравнения, на ту же дату в 1940 г. было выполнено 33,5 % плана)³⁶. Нехватка тягловой силы провоцировала частые конфликтные ситуации, возникавшие между секретарями районных парткомов и исполкомов и уполномоченными Наркомата заготовок СССР (уполнаркомзагами).

Попытки районного руководства сконцентрировать всю имевшуюся тягловую силу на уборке урожая вызывали протесты со стороны райуполнаркомзагов. Например, уполномоченный по Усть-Таркскому району Печерский в докладной записке облуполнаркомзагу Е.Г. Гридасову жаловался, что местный райком и райисполком дали прямые указания колхозам использовать всю тягловую силу на косовице. В результате на зернопоставку в районе было выделено всего 100 лошадей, а некоторые колхозы не вывозили хлеб вовсе³⁷.

Аналогичные ситуации имели место в Убинском, Барабинском, Венгеровском, Прокопьевском районах. Часто дело доходило до прямых конфликтов. Так, уполномоченный по Прокопьевскому району писал в докладной записке Е.Г. Гридасову: *«В общем у меня создается конфликт с руководителями района, они дают указание некоторым колхозам о переключении транспорта на уборку хлеба, я же председателей этих колхозов предупредил, что если они сократят вывозку хлеба, я на них оформлю материал для привлечения ответственности по суду...»*³⁸

С точки зрения заготовительных организаций, задержка зерна на колхозных и совхозных токах считалась пагубной практикой. Во-первых, тока не были подготовлены для длительного хранения урожая, часто не защищали зерно от осадков. Во-вторых, задержка хлеба в колхозах открывала возможности для его расхищения.

«Очередность» в выполнении работ, когда хлебосдача откладывалась до окончания косовицы, по мнению облуполнаркомзага Е.Г. Гридасова, являлась основной причиной срыва августовского и сентябрьского планов вывоза зерна на заготовительные пункты. В справке о состоянии хлебозаготовок, составленной 1 октября 1941 г., Е.Г. Гридасов подчеркивал угрожающее отставание колхозов области от плана: из 5351 колхоза свыше

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 341–342.

³⁵ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 506. Л. 164.

³⁶ Там же. Оп. 5. Д. 346. Л. 26–27.

³⁷ Там же. Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 8.

1500 колхозов даже на 20 сентября не выполнили августовского плана хлебосдачи. Е.Г. Гридасов указывал на слабое руководство хлебозаготовками со стороны районных властей, которые, проявляя «местнические, иждивенческие настроения», потворствовали задержке и невывозу зерна. Исправить положение дел, с точки зрения облуполнаркомзага, следовало путем укрепления «государственной налоговой дисциплины», т.е. применяя установленные законом меры воздействия к нарушителям, намеренно не выполнившим поставок в установленные правительством сроки³⁹.

В октябре 1941 г. беспокойство медленными темпами хлебосдачи проявило центральное правительство. 24 октября в Новосибирский обком поступила телеграмма от ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в которой указывалось на «совершенно нетерпимое» положение дел с хлебозаготовками в области. Правительство обязало руководство области завершить выполнение плана хлебозаготовок в течение 15–20 дней, т.е. к середине ноября 1941 г. Для форсирования хода кампании Центр предписывал ряд необходимых для выполнения мер, в основном мобилизационного характера. Так, от обкома требовалось закрепить для вывоза хлеба на заготовительные пункты не менее 70 % всего тягла колхозов и совхозов, дополнительно мобилизовав для хлебосдачи автомобильный и гужевой транспорт городских и районных хозяйственных организаций. Прямая ответственность за хлебозаготовки возлагалась на районные власти, секретарей райкомов и председателей райисполкомов. Последних надлежало освободить от всей другой работы до выполнения плана хлебозаготовок. В помощь районным организациям Новосибирский обком ВКП(б) должен был оперативно командировать наиболее активных руководящих партийных и советских работников из области⁴⁰.

25 октября Новосибирский обком ВКП(б) постановил немедленно принять в исполнение меры, указанные в правительственной телеграмме⁴¹. Однако только 8 ноября было принято решение командировать в помощь районам 450 чел. руководящего партийного актива из городов области сроком на 15 дней⁴². Несмотря на все усилия, в том числе идеолого-пропагандистского характера (в газете «Советская Сибирь» развернулась кампания, призывавшая выполнить план хлебосдачи к 24-й годовщине Октябрьской революции), достичь к середине ноября завершения плана хлебозаготовок не удалось. Учитывая, что к 1 ноября план был выполнен всего на 43,3 %, такую задачу вообще вряд ли можно было считать выполнимой (см. таблицу).

Итоги хлебозаготовок в Новосибирской области
в 1941/1942 г. по видам и секторам

Виды и сектора заготовок	1941		1942	
	на 20.09	на 1.11	на 1.01	на 1.07
<i>Заготовлено зерна, тыс. т</i>				
Плановые заготовки	196,904	457,590	783,308	807,405
Обязательные поставки	100,393	199,880	312,956	315,666
Натуроплата	51,875	152,150	322,473	334,360
Возврат ссуд колхозами	21,441	51,000	69,025	69,202
Хлебосдача совхозов	22,244	51,930	76,773	84,204
Возврат ссуд совхозами	0,852	2,420	3,063	3,063
<i>Выполнение годового плана, %</i>				
Плановые заготовки	18,6	43,3	85,1	87,7
Обязательные поставки	29,1	57,8	90,6	91,3
Натуроплата	9,5	27,8	78,0	81,3

³⁹ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 506. Л. 164. Л. 115–122.

⁴⁰ Там же. Оп. 5. Д. 340. Л. 55–57.

⁴¹ Там же. Оп. 33. Д. 452. Л. 2.

⁴² Там же. Д. 455. Л. 2–3.

Возврат ссуд колхозами	30,1	71,6	97,0	97,2
Хлебосдача совхозов	24,8	57,8	85,4	93,7
Возврат ссуд совхозами	29,1	82,5	104,5	104,5

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 749. Л. 20; Д. 755. Л. 11; Д. 865а. Л. 27; Д. 871. Л. 90.

Примечания: 1) В таблице приведены оперативные данные Наркомата заготовок СССР. 2) Показатели выполнения плана рассчитаны от действующего на указанную дату варианта годового заготовительного задания.

Новосибирский обком ВКП(б), видя отставание от намеченных правительством сроков, перешел к жестким мерам воздействия, привлекая к ответственности тех районных руководителей, которые провалили выполнение хлебозаготовительных планов. С конца октября 1941 г. до середины января 1942 г. на заседаниях бюро Новосибирского обкома ВКП(б) разбирались обстоятельства срыва заготовок по отдельным районам и степень вины местных руководителей. 25 октября постановлением обкома были сняты с должности и исключены из партии секретарь райкома ВКП(б) и председатель райисполкома Искитимского района, которые якобы встали на *«путь саботажа в деле выполнения плана хлебозаготовок и прямого попустительства антигосударственным тенденциям ряда председателей колхозов»*⁴³. 13 ноября был снят с должности секретарь Титовского райкома компартии Т.И. Данилкин *«за прямую бездеятельность в выполнении боевой директивы ЦК ВКП(б) и правительства»*⁴⁴, *«за примиренчество и потворствование саботажническим и антигосударственным тенденциям в ряде колхозов в деле хлебозаготовок»*⁴⁵. Облпрокурору было предложено привлечь Т.И. Данилкина к судебной ответственности.

В тот же день, 13 ноября, были отстранены первый секретарь райкома ВКП(б) и председатель райисполкома Усть-Таркского района⁴⁶. 22 ноября были уволены с должности и преданы суду секретарь райкома и председатель райисполкома Убинского района *«за неприятие мер по выполнению плана хлебозаготовок и обеспечению скота кормами»*⁴⁷. 11 декабря разбиралось положение в Колыванском районе, где, по заключению обкома ВКП(б), районные руководители *«встали на путь сдерживания сдачи хлеба»*⁴⁸. Тогда же, 11 декабря, был уволен и исключен из партии второй секретарь Венгеровского райкома компартии, который, находясь в колхозах Урезской МТС в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам, *«давал прямые указания председателям сельисполкомов и колхозов о прекращении вывозки хлеба на государственные склады в то же время, как эти колхозы имели полную возможность продолжать хлебосдачу»*⁴⁹. 4 января были сняты с должности первый секретарь райкома ВКП(б) и председатель райисполкома Кожевниковского района за невыполнение плана хлебозаготовок и неудовлетворительное руководство сельским хозяйством района⁵⁰.

В отношении районных властей Новосибирский обком ВКП(б) предпочитал следовать упрощенной логике: если темпы хлебосдачи в районе неудовлетворительны, следовательно, это являлось результатом *«антигосударственной»* практики сокрытия зерна от государства при потворстве или невмешательстве районных властей. Той же логикой руководствовалась официальная пресса, в частности, орган Новосибирского обкома, газета «Советская Сибирь», которая в октябре–декабре 1941 г. развернула кампанию против *«дезорганизаторов хлебозаготовок»*. Заметки селькоров обличали *«примиренческое»* отношение районных организаций к *«срывщикам хлебозаготовок»*, настаивая на самом строгом подходе к последним: *«Беспощадно разоблачать, карать расхитителей хлеба – такой*

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 452. Л. 3–4.

⁴⁴ Имеется в виду уже упоминавшаяся телеграмма ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 октября 1941 г.

⁴⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 459. Л. 4–5.

⁴⁶ Там же. Л. 7.

⁴⁷ Там же. Д. 467. Л. 22.

⁴⁸ Там же. Д. 486. Л. 24–25.

⁴⁹ Там же. Л. 28.

⁵⁰ Там же. Д. 532. Л. 18–22.

вывод должен сделать для себя каждый районный руководитель, активист, уполномоченный»⁵¹.

Под определение «антигосударственной» подпадала самая разнообразная колхозная практика, приводившая к невыполнению плана: не только задержки вывоза и обмолота хлеба, которые часто могли быть объяснены объективными факторами (нехваткой тягловой силы, машин и т.д.), но и практики незаконного присвоения зерна колхозниками. Одним из самых распространенных способов хищения было «переавансирование» труда колхозников. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1 августа 1940 г. до выполнения хлебозаготовительного плана колхоз имел право расходовать на внутриколхозные нужды не более 15 % от сданного государству зерна⁵². Колхозы в ходе авансирования часто превышали установленную государством 15-процентную планку. Другим распространенным способом было сокрытие и списание зерна под видом отходов. Имели место случаи, когда зерно утаивалось в семенных фондах.

В ответ государство усиливало репрессивные меры по отношению к крестьянству. Так, согласно докладу о работе уголовно-судебного отдела Новосибирской областной прокуратуры, во втором полугодии 1941 г. – первом квартале 1942 г. резко выросло число осужденных по т.н. закону о трех колосках. Во втором полугодии было осуждено 82 чел. (из них 18 приговорены к высшей мере наказания), однако уже в первом квартале 1942 г. количество осужденных составило 123 чел. (из них 21 приговорен к высшей мере наказания)⁵³. В числе осужденных были не только люди, обвиненные в воровстве в колхозах и совхозах, но и «расхитители социалистической собственности» в других сферах народного хозяйства.

Комплекс принятых мер мобилизационного, пропагандистского и репрессивного характера все же позволил в ноябре–декабре усилить темпы хлебосдачи. За два месяца удалось добиться прироста хлебозаготовок в размере 325,718 тыс. т. К 1 января 1942 г. годовой план был выполнен на 85,1 %. Такой процент реализации плана удалось достичь, в т.ч. благодаря снижению в конце 1941 г. плана натуроплаты для Новосибирской области на 25 %. Это позволило приблизить плановые показатели к выполнимости. В дальнейшем, в течение первой половины 1942 г., прирост был незначительным. В итоге к 1 июля 1942 г. Новосибирская область выполнила годовой хлебозаготовительный план на 87,7 %, сдав государству 807,405 тыс. т хлеба (см. таблицу)⁵⁴.

Первый год Великой Отечественной войны не принес значительных изменений в хлебозаготовительной политике государства. Усиление нажима на колхозно-крестьянский сектор в 1940 г. в связи с переходом на погектарный принцип обложения обязательными поставками привело к тому, что в 1940 г. государство изъяло из деревни рекордное количество зерна по сравнению с предыдущими годами (по СССР в 1940 г. государству поступило на 7741 тыс. т хлеба больше, чем в 1939 г.)⁵⁵. Для Новосибирской области усиление натурального налогообложения, совпав с неурожаем, привело в 1940 г. к серьезным продовольственным затруднениям. Следующий год, несмотря на начавшуюся войну, был ознаменован снижением плановых заданий по хлебосдаче. Благодаря более благоприятным для созревания урожая условиям и усилиям колхозников Новосибирская область в 1941 г. смогла сдать государству на 34,562 тыс. т зерна больше, чем в 1940 г.⁵⁶

⁵¹ Советская Сибирь. 1941. 21 нояб.

⁵² Ильиных В.А. Налогово-податное обложение... С. 130.

⁵³ ГАНУ. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 273. Л. 6.

⁵⁴ По другим крупным хлебопроизводящим регионам Западной Сибири: Алтайский край в 1941/1942 г. выполнил план хлебозаготовок на 82,1 %, Омская область – на 85,5 %.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 2.

⁵⁶ Там же. Оп. 3. Д. 865. Л. 41.

Литература

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

Исупов В.А. Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири в Красную армию в начальный период Второй мировой войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 1 (2). С. 40–47.

Ростов Н.Д. Мобилизация транспортных ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. 191 с.

Рынков В.М. Методы и результаты проведения хлебозаготовительной кампании 1940–1941 годов в Новосибирской области // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 157–176.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 408 с.

References

Ilinykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoye oblozheniye sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of the Siberian rural. Late 1920s – early 1950s]. Novosibirsk, GUP RPO SO RASHN. 167 p.

Ilinykh, V.A., Andreenkov, S.N., Rynkov, V.M. [et al.]. (2012). *Selskoye khoziaystvo v Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Siberian agriculture in the 20th century: development problems and crises]. Novosibirsk, Sibprint. 408 p.

Isupov, V.A. (2005). *Mobilizatsiya lyudskih resursov Zapadnoy Sibiri v Krasnuyu armiyu v nachalny period Vtoroy mirovoy voyny* [Mobilization of human resources of Western Siberia in the Red Army in the beginning period of World War II]. In *Gumanitarniye problemy voennogo dela*. No. 1 (2), pp. 40–47.

Rostov, N.D. (2011). *Mobilizatsiya transportnykh resursov Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Mobilization of Siberian transport resources during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Barnaul, Izd-vo AltGTU. 191 p.

Rynkov, V.M. (2002). *Metody i rezultaty provedeniya khlebozagotovitelnoy kampanii 1940–1941 godov v Novosibirskoy oblasti* [Methods and results of the grain collection campaign of 1940–1941 in Novosibirsk region]. In *Sibir v XVII–XX vekakh: problemy politicheskoy i sotsialnoy istorii: Bakhrushinskiye chteniya 1999–2000 gg.: mezhvuz. sb. nauch. tr.* / pod red. V.I. Shishkina. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 157–176.

Статья поступила в редакцию 11.03.2020 г.